

Все любят Михаила Тарковского. Во всяком случае – хвалят. Даже Дмитрий Быков и Захар Прилепин. То есть неофициальный официальный писатель и официальный официальный писатель номер один сегодня. Ну, в смысле – два номера...

А у писателЕй (по Тарковскому) такое единодушие – редкость. Поэтому стоит насторожиться.

И настороженно прочитать его новую повесть «Полёт совы», опубликованную в «Нашем современном». Очень настороженно.

Приём себя оправдывает буквально с самого начала. Во-первых, потому что Тарковский начинает выдавать врагам наши тайны. Враги-то, они люди довольно простодушные, и решили, что если великую русскую литературу не замечать и не пропагандировать, то она сама и загноётся. Как бы. Ну, для верности нужно ещё поддушить в объятиях всякого рода литературных премий. А чтобы совсем наверняка – поставить сестру олигарха присматривать. И внука классика приглядывать. То есть птица не пролетит, и зверь не проскочит! Граница на замке.

Не тут-то было! Тарковский нарочно, даже я бы сказал издевательски и совершенно бесцеремонно делает героем своей новой повести учителя литературы, заметьте – не байкера, не члена Ночной хоккейной лиги, не даже

успешного журналиста, а учителя! Да ещё русской, видите ли, литературы. Факт вопиющий. Потому что приличные люди уже призывали за последние двадцать лет читать о приличных людях! А у Тарковского про учителя. Так до слесарей и трактористов скоро докатимся. Или до гарнизонных старлеев!

Но этого мало. Герой Тарковского ещё и непростительно молод – ему тридцать лет и, что хуже первого: он смеет в таком-то своём возрасте мучиться известными русскими (то есть вечными) вопросами. Я думаю, писателю простили бы ветхую чеховскую старушку-словесницу или несгибаемую сталинистку с «Как закалялась сталь» на ночном столике. Однако молодой (!) деревенский (!) учитель русской литературы, да ещё и в Сибири – это возмутительно!

Но Тарковский продолжает возмущать дальше! Приличные люди к нему вроде бы притерпелись за последние лет десять-двадцать. Ну, пишет про Сибирь, про охотников, кулемки там, соболя всякие. Экзотика. Этнография. Привезут десяток-другой гансов – мишек пострелять, водки попить, а тут вам Тарковский и духовность.

- Как, тот самый?

- Я-я, натюрлих! Давай ещё по одной за мир во всём мире и Сталинград!.. А чё это ты после сло-

ва «Сталинград» бледнеешь? А-а, дедушка... Ну бывает-бывает...

То есть взял и обманул. Бдительных наших. Не писал-не писал о политике, и вдруг на тебе – сначала повесть «Тойота Креста»! Чё-то у вас там в москвах – совсем просто не то чё-то! От слова совсем!

А теперь и «Полёт совы».

И ведь хорошо пишет – не оторвёшься! Даже Быков оторваться не может – забил на всё, ночной эфир в «Эхе Москвы» и ночной клуб «365 оттенков интеллектуального» забросил. Читает. Тянется к русскому миру. Тоскует даже...

Хочет приобщиться к великому. У них это хорошо развито – чувство великого... Особенно у женщин...

А Тарковский продолжает.

И мысли-то у него такие простые и правильные, прям хочется в Администрацию Президента занести, положить где-нибудь (ну там, промеж зелёных бумажек с этими самыми). Чтобы прочитали.

Да боязно. Вдруг «смена элит» уже произошла. Схватят за руку и спросят:

- Твои бумажки?
- Одна моя...
- А где одна, там и две!

И упекут недалёкого правдо-руба до конца дней руководить литобъединением в Магадане. Я, может, и не против, но... Семья большая, дети растут, московские уже, тепличные... Да и новые вещи Тарковского почитать опять-таки хочется. Поэтому ничего я в АП относить не буду, а лучше так напишу.

Главное, что отличает Михаила Тарковского от подавляющего большинства современных ему русских писателей, – это то, что свою правду он не проповедует, а исповедует. Что роднит его с писателями несовременными, такими как Гумилёв, Толстой (увы), Чехов, Лесков, Гоголь... Нельзя не добавить и Александра Сергеевича («Мой идеал теперь хозяйка, И сам большой, и щей горшок...») О чём бы это? Да об извечном стремлении подлинных русских писателей жить так, чтобы писательство и собственная жизнь не разбежались в разные стороны, чтобы правда написанного слова подкреплялась правдой проживаемой тобой жизни.

Максимализм? Да. Но именно он даровал нам Толстого и Гоголя. Не всё получилось? Или совсем не получилось? Титаны надорвались? Но именно такое «поражение» оказалось больше всяких «побед». Потому что это – евангельское поражение. «Аще зерно не умрет, не принесёт плод свой...»

Приличные-то люди уже давным-давно развели литературу и жизнь и не парятся. Потягивают коньячок, многоопытно улыбаются. Литература одно, а жизнь совершенно другое. Такое уже было: и в прошлом столетии, и в позапрошлом. Писали поэмы об Ильиче и давились за джинсами в ГУМе, рыдали о доле народной и проигрывали в картишки деревни с мужичками. Было такое, было. Нас не удивишь.

Я уже не говорю про русскоязычную литературу – ею вовсю и давно занимаются маркетологи, культурологи и косметологи. От

слова «косметика», а не «космос» (чтобы не подумали).

Но и с так называемой «русской» – сегодня не всё ого-го. Далеко не всё.

Вот с «патриотизмом» и «православием» всё ого-го, с «проповедничеством» тоже. А с исповедничеством – увы. Кого вы знаете из патриотов (что литературных, что номенклатурных), кто бы не отмазал своих драгоценных дитятей от армии? Я, кроме Проханова, не знаю никого. Знаю ещё сыновей русских генералов (не путать с «генеральскими сыновьями») Пуликовского, Шпака, Аношина и других, сложивших головы в Чечне (вечная им память!). Но это – другая песня. Они-то как раз не «проповедовали» патриотизм, а исповедовали его. «До самая смерти».

А вот с официозным «патриотизмом» – что литературным, что чиновным – как-то совсем ничего исповеднического и не ассоциируется. Как и с государственным «православием»... Ну не будем же мы всерьёз о наследственном топ-менеджменте в госкорпорациях и о преосвященных джипах в кривоколенных переулках! Надоело уже.

Герой Тарковского (понятно, что и сам автор) тоже напряжённо размышляет и о Родине, и о Православии... Но нерв его размышлений и, что важнее – жизни, как и нерв всей без преувеличения прозы Михаила Тарковского, проходит в другом, его исповедничество – это трудовая правда. В ней – спасение и последняя крепкость России, в ней же и торжество нашего Православия (ибо «Царствие Небесное нудой», то есть трудом, силой «берётся»):

«Откопал яму и, когда таскал глину, так вдруг захотелось читать, что едва закончил умазывать печку, даже не отмыл дочиста руки: глина так и осталась на верхней стороне кистей, в основаниях ногтей. В тепле кисть начало стягивать с такой бережной и спокойной силой, что показалось – трудовая и древняя наша земля пожала мне крепчающую руку».

Это тот самый учитель, Сергей, герой повести, да и во многом сам автор – один сбежал из преуспевающей гимназии и города, другой вообще сбежал (а ведь мог бы спокойно себе и тщиться – тащиться в тщете и суете: не в Лондоне, так в Москве, давно б уже букеров и нацбестов нахватал!). Но нет:

«Нутром-то я чую, что мужики ближе к какому-то естеству, которое я утерять взамен на некую благоприятную городскую запитку, книжную, образовательную, «современную» (не могу произносить это слово без кавычек). Которой дорожу, в которой себя чувствую чистенько, ладно, вроде как еду в мягком автобусе с большими, в кофейную дымку, стёклами, в то время как мужики шагают по обочине в пыли и солярном выхлопе, но при этом знаю, что земля-то через них говорит, а не через меня, и что на истинной обочине как раз я. И будто кричу сквозь гладкие затемнённые стёкла: я тоже ваш, не отгоняйте меня, я даже вылезу из автобуса со своими хахаряшками, пойду с вами, буду делать что-нибудь скучное, трудное, буду слушаться, буду думать и говорить вашими словами - лишь бы вы меня взяли в дорогу. Во-о-он за те сопки...»

С ними, этими мужиками, совсем непросто, кто не жил в современной русской деревне хотя бы год (а здесь среднерусская ничем не отличается от сибирской) – вряд ли поймёт. Но Сергей понимает:

«Дочитал «Чудиков» и пришёл к выводу, что читать про них намного интересней, чем с ними жить...»

И, тем не менее, всю эту трудовую правду и весь этот трудовой народ и герой, и автор принимают как великую благодать, даже – как молитву:

«Так. А теперь повторяй. Громко и чётко:

- Я
люблю
этот
народ,

какой он ни есть, зрячий и слепой, пьяный и трезвый, безбожный и праведный, драный и сытый, читающий и пьющий, геройский и равнодушный, молящийся и богохульствующий, стоящий насмерть под пулями и позарившийся на бранные блага, предающий друг друга за кусок хлеба и ныряющий за брата в гущу ледяную и огневою!»

Это – главное. А в остальном: Тарковский как Тарковский. Есть «любовь» – неяркая, скорее акварельная и разведённая. В смысле, любовь главного героя «разведённая» – мать-одиночка Лидия Сергеевна, тоже учительница. «Со взглядами». Есть мужики – добытчики, труженики, правые своей трудовой правотой. Есть изумительные – Енисей, тайга, снег, небо. И всё-всё до боли русское: чудо, баночка варенья от любимой «со

взглядами», промысловые собаки, совка, запутавшаяся в изгороди, ледяное дыхание Арктики...

Есть мысли о режиме, которые, уверен, разделяют все 86% населения, оказывающие ему безусловную поддержку:

«Я всё время жду новых удач, и живу по-двойному: хочу, чтобы всё уладилось, и одновременно пытаю режим на вшивость в надежде, что он проговорится, обнаружит себя во всей красе намерений. А он прячется за простых людей, и даже в его уступках я вижу обман и опасность. Я никогда не предаю его пред иностранцами, но в душе не верю в него, как в их же детище».

И даже совсем неожиданные для разухабистой собачьей свадьбы наших либеральных СМИ сравнения нынешнего режима с Иваном Грозным – произнесённые с противоположной, русской, стороны:

«Вот Иван Грозный я понимаю – он с народом был – против бояр... А эти, три-тетьки-мать... с боярами... С боя-я-ярами... - протянул он, прищурившись, и отвернулся, махнул рукой, - я сра-а-азу понял... Эти с боя-я-рами...»

То есть – против народа...

Но главным остаётся именно она – трудовая правда, которая и помогает русским не склеить лапки ни в раскулачивании и выселениях, ни в войну, ни в нынешнюю смуту. Она, эта правда, не всегда «смирена», даже напротив – занозиста и ершиста в своей правоте. Может озадачить и культуролога, и литературоведа – и на вопрос «Почему Каштанка вернулась домой?» ответить:

– Хрен ли неясного: у клоуна пахать надо, а стОляр и так накормит...

... Что ещё? Я бы дал утонуть главному герою в конце. Чтобы разведёнка Лидия Сергеевна «со взглядами» обрыдалась над оконеченным трупом, потому как – что ей, матери-одиночке, без него в этой деревне светит? Чтобы директриса Валентина Игнатьевна локти пообкусала – ибо кто после неё школу сельскую примет? Чтобы мужики – мозолистые и правильные, стояли и шапки мяли – хороший был парень, отзывчивый.

И не гордый. Только вот на «ветке», сиречь лодке долблёной, зря охотиться поехал, надо было не оставлять его одного-то, эх...

Думаю, что ранний Михаил Тарковский так и сделал бы. А теперь вот – пожалел, спас своего Сергея. Пусть, мол, мужает, в сознание да ум приходит и впрягается в русское дело по самое горлышко. Без щелкопёрства и экзотики. В своё. Самое-самое.

Не знаю. Может, и годы смягчили автора, а может, просто – всех нас без надежды оставлять не хочет.
